
Вера Добрая
18+
Наперекор инстинктам
Обет тьмы

Вера Добрая

Наперекор инстинктам: обет тьмы

Серия «Инстинкты», книга 2

https://litres.ru/74800248
SelfPub; 2026

Аннотация

Для стаи я всегда оставалась образцовой наследницей, для отца — опорой, а для самой себя — белой волчицей, которую обошла стороной природа. Всё перечеркнул один вечер, когда в наш дом вошёл высший демон и предъявил старую долговую расписку.

Цена моей спасённой в младенчестве жизни оказалась простой: я сама. Теперь мне предстоит жить под одной крышей с мужчиной, для которого я лишь законный трофей, врать самым близким людям ради спасения отца и каждый день удерживать собственную гордость от падения перед тем, на кого так отчаянно откликается мой зверь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Лана	8
Глава 2. Кайрос	14
Глава 3. Лана	20
Глава 4. Кайрос	26
Глава 5. Лана	31
Глава 6. Кайрос	37
Глава 7. Лана	42
Глава 8. Кайрос	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вера Добрая
Наперекор инстинктам: обет тьмы

Пролог

Двадцать четыре года назад

Тяжёлый, затяжной ливень обрушился на особняк Ратьевых ещё с вечера, словно небо пыталось смыть с этих стен следы того, что должно было неминуемо случиться в полночь.

В просторной спальне наверху тихо угасал ребёнок. Девочка появилась на свет на рассвете — крошечная, светловолосая, с редчайшей магической искрой в крови, которой гордился бы любой род, — но уже к полудню её начало сжигать изнутри древнее родовое проклятие.

Перед этой чёрной лихорадкой оказались бессильны и лучшие лекари стаи, и человеческая медицина: маленькое тело горело сухим, беспощадным огнём, сердце сбивалось с ритма, а погибающий зверь внутри истошно скулил, не находя выхода.

Александр Ратьев, привыкший решать любые беды стаи стальной волей, деньгами или клыками, впервые в жизни

стоял на коленях у колыбели и чувствовал, как сходит с ума от собственной беспомощности. За стеной глухо рыдала обессилевшая после тяжёлых родов жена, внизу в холле молча ждали старейшины, уже мысленно прощаясь с первенцем альфы, но сам Александр хоронить дочь не собирался.

Когда часы пробили полночь, он спустился в самый нижний ярус подвала, где у начерченного на каменном полу круга уже ждала Аза. Ведьма казалась бледной и непривычно тихой; даже она, привыкшая торговать запретной магией на окраинах человеческого мира, понимала, на какой край пропасти толкает вожака белых волков.

— Если я открою врата, назад дороги не будет, альфа, — глухо предупредила она, сжимая в пальцах серебряный ритуальный нож. — Тот, кого мы зовём, из высших. За такие сделки платят не золотом.

— Открывай, — бросил Александр, впиваясь тяжёлым взглядом в меловые линии. — Мне плевать на цену.

Аза полоснула себя по ладони, роняя алые капли на холодный камень, и зашептала на мёртвом, тягучем наречии. Воздух в подвале мгновенно уплотнился, обжигая лёгкие запахом пепла и старой крови. Пламя свечей вытянулось в тонкие синие иглы и погасло, но в центре круга стало светло: пространство словно разрезали изнутри, и из разлома тени прямо на каменный пол шагнул мужчина.

Высокий, широкоплечий, в дорогом тёмном костюме с небрежно расстёгнутой на вороте рубашкой, он осмотрелся

с ленивым презрением существа, привыкшего к куда более роскошным приёмам.

В глубине абсолютно чёрных глаз стыла пугающая пустота, от которой у Александра перехватило дыхание, а ведьма невольно вжалась спиной в сырую кладку.

— Кто посмел выдернуть меня из-за стола ради столь жалкого зрелища? — поинтересовался демон, и в его низком, бархатном голосе звенела лишь холодная скука.

— Моя дочь умирает, — Александр заставил себя выдержать этот взгляд, хотя волк внутри него скулил и требовал упасть ниц перед первородной силой. — Проклятие сжигает её. Мне сказали, только высший способен вытянуть эту дрянь и удержать её зверя.

Демон перевёл взгляд на притихшую у стены ведьму, затем снова на альфу, и уголок его губ тронула усмешка.

— Оборотень и чернокнижница. Забавно. Твои же сородичи вздёрнут тебя на первом суку, если узнают, кого ты сюда позвал.

— Пусть вздёрнут, только спаси её.

Кайрос на мгновение задумался, оценивая стоящего перед ним вожака. Ему не требовались деньги волков или их земли, но белая волчица, выжившая благодаря его силе... Редкая кровь, чистый сосуд, долг, который однажды может стать весомым козырем в любой игре.

— Хорошо, — произнёс он просто. — Я заберу проклятие и сохраню жизнь и девчонке, и её волчице, но за это она

станет моей. Когда ей исполнится двадцать четыре года, я приду и заберу её в качестве своей невесты. Без торгов, без отсрочек и без права отказа.

Александр замер на долю секунды. Внутри всё скрутило от предчувствия неминуемой беды, но перед глазами стояла синеющая от смертельного жара крошечная ладошка дочери.

— Согласен, — выдохнул мужчина, обречённо опуская голову.

Спустя несколько минут наверху, в полутёмной спальне, демон наклонился над колыбелью и коснулся двумя пальцами раскалённого лба младенца. Тонкая чёрная искра сорвалась с его кожи, бесследно впитываясь в кровь девочки; ребёнок судорожно всхлипнул, впервые за сутки ровно вдохнул и спокойно уснул, а кожа мгновенно остыла.

Кайрос выпрямился, бросил короткий, равнодушный взгляд на свёрток из ветхого пергамента, только что скреплённый кровью альфы, и спрятал его во внутренний карман пиджака.

Для демона эта девочка была лишь строчкой в долговой книге — именем, о котором он со спокойной душой забудет на долгие двадцать четыре года.

Глава 1. Лана

Роль образцовой дочери альфы всегда требовала безупречной осанки и умения молчать там, где любая другая давно вцепилась бы обидчику в горло.

За двадцать четыре года я довела это искусство до совершенства: научилась каждое утро застёгивать строгие блузки на все пуговицы, гладко убирать белые волосы и встречать чужие взгляды спокойной, чуть отстранённой улыбкой, за которой невозможно разглядеть ни обиды, ни отчаяния.

Для стаи я оставалась гордостью рода Ратьевых — рассудительной, тактичной наследницей, знающей наизусть каждый пункт свода законов двуликих.

Никто в особняке не догадывался, что за этим ровным фасадом уже несколько месяцев гуляет больное, терзающее душу, отчаяние.

Я сидела у широкого окна в гостиной, лениво перелистывая отчёты старейшин, и смотрела на ухоженный внутренний двор резервации.

За высокой каменной стеной глухо шумел мегаполис — огромный человеческий город, в котором двуликие давно научились жить на равных с людьми: открывать компании, учиться в университетах, встречаться в ночных клубах и прятать зверя под дорогой одеждой, чтобы не привлекать лишнего внимания трибунала.

Моя младшая сестра Марианна уехала туда к своему мужу, Кариму Асаду. Они ждали ребёнка, и когда я навещала их на прошлой неделе, у меня щемило сердце от того, как бережно этот сильный, опасный хищник укрывает пледом её плечи и смотрит на неё так, словно вокруг больше никого существует.

У Марианны была настоящая жизнь. У меня же оставались только папки с бумагами и гулкая пустота внутри.

В ночь, когда над лесом взошла Белая Луна, все молодые оборотни стаи скинули одежду и ушли в ритуальный забег. Я бежала впереди других — сильная, быстрая, с сияющей в лунном свете кипенно-белой шкурой — и звала свою пару, задыхаясь от надежды, что вот сейчас, за следующим поворотом оврага, кто-то отзовётся на мой зов. Но предки оказались глухи к моим мольбам в ту ночь. После моя волчица словно свернулась в тугой, глухой комок где-то под рёбрами — живая, но молчаливая, будто знала какую-то правду, от которой мне самой стало бы страшно.

Дверь гостиной тихо скрипнула, и в комнату вошёл папа.

Я сразу отложила бумаги. За последние недели Александр осунулся и постарел на добрый десяток лет: плечи ссутулились, под серыми глазами залегли глубокие тени, а в глубине взгляда застыла глухая, изматывающая тревога.

Я списывала это на недавний шум вокруг суда над ведьмой и нервотрёпку с делами стаи, но стоило ему переступить порог, как волчье чутьё кольнуло под лопатку — папа боял-

ся. Боялся так сильно, как никогда раньше.

— Лана, — его голос прозвучал глухо, почти сипло. — Ты сегодня не собиралась в город? К Марианне?

— Нет, папа, я обещала старейшинам закрыть квартальные бумаги до вечера, — я поднялась из кресла и мягко улыбнулась, стараясь разрядить повисшее в комнате напряжение. — Ты сам на себя не похож. Опять какие-то проблемы? Давай я заварю тебе травяной сбор...

Отец не успел ответить.

В ту же секунду воздух в гостиной словно налился свинцом, прижимая к полу. По ушам ударил короткий, беззвучный хлопок — защитный барьер особняка, который старейшины обновляли каждое полнолуние, рассыпался невидимой пылью. Из лёгких разом выбило весь воздух, а по помещению поплыл густой, незнакомый запах: горячая кожа, горький шоколад и что-то тёмное, хищное, от чего закружилась голова.

Двустворчатые двери гостиной распахнулись сами собой, гулко ударившись о стены.

На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречном тёмном костюме; из-под манжет белоснежной рубашки на смуглые запястья спускались чёрные узоры древних татуировок. Он шагнул внутрь с ленивой, хищной грацией существа, которое привыкло входить в любые двери без стука, и его абсолютно чёрные глаза мгновенно нашли меня.

Я попыталась восстановить дыхание, призвать волчицу,

выпустить когти — сделать хоть что-то, чтобы закрыть собой растерянного отца, но вместо этого замерла, оглушённая ударом, от которого потемнело в глазах.

Моя волчица внутри, молчавшая долгие месяцы, вдруг встрепенулась и глухо, сыто заурчала, покорно ластясь к чужой тёмной ауре. По венам мгновенно разлился постыдный, обжигающий жар, пульс на шее забился с бешеной скоростью, а колени предательски ослабели.

Истинность….

Долгожданная связь, которую я так отчаянно искала под Белой Луной в лесу, настигла меня здесь, в родительской гостиной, и связала с высшим демоном.

Он тоже это почувствовал. Я увидела, как на долю секунды расширились его зрачки, а в глубине чёрных глаз вспыхнул опасный, багровый отблеск, словно внутри него проснулся и утробно зарычал его теневой зверь.

Но мужчина быстро взял себя в руки. Его взгляд скользнул по моему побледневшему лицу, задержался на судорожно вздымающейся груди, и уголок его губ тронула холодная, циничная усмешка. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, достал потемневший от времени свиток из ветхого пергамента и небрежно бросил его на журнальный столик прямо передо мной.

— Срок вышел, Ратьев, — низкий, бархатный голос с лёгкой хрипотцой заставил меня вздрогнуть. — Двадцать четыре года прошли, и я пришёл забрать то, что принадлежит мне

по праву.

Я перевела взгляд на отца и похолодела. Александр сидел в кресле бледный как мел, вдавленный в спинку многотонным давлением чужой силы; по его виску катилась крупная капля пота, пальцы до побеления костяшек вцепились в подлокотники, но подняться альфа стаи белых волков не мог.

— Нет... не трогай её... — прохрипел папа, глядя на свиток с таким отчаянием, словно видел перед собой смертный приговор.

Я опустила глаза на развернувшийся пергамент. Строчки, выведенные бурыми чернилами, и знакомая подпись внизу сложились в страшную, беспощадную правду: двадцать четыре года назад я умирала, и Александр Ратьев продал мою судьбу демону в обмен на жизнь.

Я никогда не принадлежала себе — с первого дня жизни я оставалась лишь отсроченным долгом, за которым теперь явился хозяин.

Гордость требовала плюнуть ему в лицо, вцепиться в горло, разорвать этот проклятый лист в клочья, но тело продолжало плавиться под его взглядом, предавало меня с каждой секундой. Демон шагнул ближе и протянул ко мне широкую, татуированную ладонь.

— Иди ко мне, Лана, — произнёс он тихо, и в его чёрных глазах снова мелькнул голодный огонь. — Или твоя стая узнает, какой ценой ваш альфа когда-то купил жизнь своей старшей дочери.

Я судорожно втянула воздух, силой загоняя панику и предательскую дрожь глубоко под кожу. Если старейшины и трибунал узнают о сговоре с демоном, отца казнят, а стаю раздавят. Если кто-то и должен платить по старым счетам, то это буду я — с поднятой головой, как и подобает дочери вожака.

Я медленно поднялась с кресла, расправила плечи и сделала первый шаг навстречу незнакомцу. Каблуки моих домашних туфель отчётливо стучали по паркету в звенящей тишине комнаты. Остановившись в полушаге, я вскинула подбородок, встречая его тяжёлый, оценивающий взгляд, и медленно опустила свою ладонь в его горячую руку.

Его длинные пальцы сомкнулись вокруг моего запястья жёстко и властно, обжигая кожу током, от которого я едва удержалась на ногах. Демон перехватил меня за талию, притягивая к себе так близко, что я ощутила твёрдость его груди и обволакивающий жар тела.

— Умница, — прошептал он мне почти в самые губы, обжигая прерывистым дыханием. — Меня зовут Кайрос, маленькая волчица. Запоминай, потому что тебе придётся повторять это имя очень часто.

Демон развернулся, увлекая меня за собой к распахнутым дверям, а старый свиток сам собой взлетел со стола, исчезая в его кармане. Позади остался хрипящий от бессилия отец, а я перешагнула порог родного дома, уходя в чужую, пугающую жизнь, где мне больше не на кого было опереться.

Глава 2. Кайрос

Она дрожала в моих руках, хотя изо всех сил пыталась делать вид, что идёт рядом по собственной воле.

Тонкая, светловолосая, с идеальной осанкой наследницы древнего рода, она вскидывала подбородок и смотрела прямо перед собой, стараясь сохранить на бледном лице выражение холодного достоинства.

Но мои пальцы всё ещё сжимали её узкое запястье, и я чувствовал каждый сумасшедший удар пульса под тонкой кожей, слышал, как судорожно, едва заметно она ловит ртом воздух, пытаясь унять колотящееся сердце.

Моя. По праву крови, по древнему свитку и — как выяснилось три минуты назад — по какому-то нелепому, жестокому капризу самой природы.

Когда я выходил из её дома и усаживал девчонку на заднее сиденье чёрного майбаха, внутри меня всё ещё гудел глухой, голодный рык.

Двадцать четыре года назад я спас умирающего младенца, даже толком не взглянув в колыбель: мне просто показалось забавным привязать к себе долг вожака белых волков.

Я почти забыл об этой строчке в своих старых бумагах и явился в резервацию исключительно из принципа — забрать причитающееся, закрыть старый счёт, а заодно обзавестись редкой, породистой невестой, которая украсит любой приём

и станет отличным рычагом влияния на стаю.

Я рассчитывал получить покорную, напуганную куклу. Вместо этого в ту секунду, когда я переступил порог гостиной Ратьева и встретился взглядом с её синими, распахнутыми от шока глазами, по моим венам словно пустили раскалённый свинец.

Истинность. Высший закон двуликих, о котором я читал в хрониках оборотней и всегда считал красивой сказкой для слабаков, ударил наотмашь, заставив мою собственную тёмную суть встрепенуться и признать в этой светлой волчице единственную пару.

Дверца автомобиля глухо захлопнулась, отсекая нас от лесной тишины резервации, и машина плавно тронулась к выезду на трассу.

В салоне сразу стало тесно от чужого, стремительно густеющего запаха: чистый, чуть сладковатый аромат светлой волчицы смешивался с моим собственным превращая воздух в тяжёлое, дурманящее марево.

Лана отсела к самому окну, вжавшись спиной в кожаную обивку и сцепив пальцы на коленях так сильно, что побелели костяшки.

Девушка упорно смотрела на мелькающие за стеклом фонари пригорода, отказываясь поворачивать голову в мою сторону, но её тело выдавало её с потрохами.

Я видел, как тяжело и часто вздымается её грудь под строгой блузкой, улавливал тот предательский, лихорадочный

жар, который волнами расходился от её кожи, будоража моё собственное нутро.

Она была нетронутой. Чистой, целомудренной леди стаи, которая никогда в жизни не подпускала к себе мужчин, и теперь её пугало и унижало это незнакомое, всепоглощающее желание, вспыхнувшее вопреки её воле.

— Ты сломаешь себе пальцы, милая, если будешь сжимать их так сильно, — лениво произнёс я, откидываясь на спинку сиденья и рассматривая её точёный профиль.

Лана вздрогнула от звука моего голоса. Её губы, припухшие и искусанные изнутри, дрогнули, но она промолчала, лишь ещё плотнее сжала ладони и выше вскинула подбородок.

Гордая. Слишком гордая для той, чья судьба только что перешла в мои руки.

Мне хотелось протянуть руку, коснуться её шеи, почувствовать, как под пальцами бьётся жилка, но я сдержался: ломать её прямо здесь, в машине, было бы слишком мелко и скучно. Гораздо интереснее заставить эту снежную королеву самой сбросить свою броню.

Спустя полчаса автомобиль свернул с шумного проспекта в тихий, закрытый район элитного пригорода, где за высокими стенами и многоуровневыми защитными контурами прятались особняки самых влиятельных жителей мегаполиса.

Массивные кованые ворота бесшумно разъехались в стороны, пропуская машину на территорию моей резиденции.

Я никогда не любил мрачные старинные замки, которые так упорно приписывали демонам людские легенды. Мой дом представлял собой строгий, современный особняк из тёмного матового камня, стекла и бетона, окружённый ухоженным парком и скрытый от чужих глаз плотным пологом магии.

Когда майбах остановился у широкого крыльца, я вышел первым и сам открыл перед девушкой дверцу, протягивая руку.

Лана секунду смотрела на мою ладонь с таким видом, словно я предлагал ей коснуться раскалённого угля, а затем, проигнорировав протянутую руку, самостоятельно выбралась из салона.

Каблуки её туфель сухо, отчётливо стукнули по каменным плитам дорожки. Блондинка подняла голову, медленно оглядывая тёмный фасад особняка, освещённый мягкой скрытой подсветкой, и в глубине её синих глаз на мгновение мелькнула настоящая, живая паника, которую она тут же задавила усилием воли.

— Добро пожаловать домой, Лана, — произнёс я, делая приглашающий жест в сторону высоких стеклянных дверей холла.

— Это не мой дом, — её голос, хоть и выдавал лёгкую дрожь от пережитого потрясения, прозвучал неожиданно твёрдо и чисто. — И никогда им не станет.

Я усмехнулся, пропуская её вперёд и закрывая за нами

тяжёлую дверь. В просторном холле царил полумрак, пахло дорогой кожей, хвоей из ночного сада и моей собственной силой, от которой у двуликих обычно подкашивались колени.

Лана застыла посреди комнаты, обхватив себя руками за плечи, но её взгляд уже не метался в растерянности — я с удивлением заметил, как внимательно она оценивает планировку первого этажа, расположение лестницы и окон. Дочь альфы не собиралась просто сидеть и ждать милости; она уже просчитывала пути отхода.

Её волчица внутри притихла, убаюканная моей аурой и той давней искрой, которую я оставил в её крови в день рождения, поэтому девушка не могла ни обернуться, ни выпустить когти. Это лишало её привычной защиты, но не лишало характера.

Я бесшумно подошёл к ней со спины почти вплотную, наслаждаясь тем, как мгновенно замерло её дыхание, когда мой запах окутал её со всех сторон. Наклонился чуть ближе к её уху, улавливая тонкий шлейф страха, злости и предательского, горячего волнения, от которого её кожа покрывалась мурашками.

— Можешь ненавидеть меня сколько угодно, маленькая леди, — негромко сказал я, чувствуя, как при звуке моего голоса по её спине пробегает лёгкая дрожь. — Можешь винить слабость своего отца или проклинать старые свитки. Но твоя волчица уже признала меня, и твоё тело давно всё ре-

шило за тебя.

Лана резко обернулась, вскидывая на меня взгляд, в котором впервые за вечер вместо ледяного спокойствия вспыхнула живая, обжигающая ярость.

— Я скорее сдохну, чем стану твоей игрушкой, — отчеканила она, глядя мне прямо в глаза и даже не пытаясь отступить на шаг.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы удержать на лице ленивую улыбку и не прижать эту дерзкую девчонку к ближайшей стене прямо сейчас. Она была великолепна в своём бунте — живая, острая, настоящая.

— Смерть не входит в условия нашего договора, Лана, — ответил я спокойно, отступая на полшага и давая ей немного воздуха. — Твоя комната наверху, вторая дверь справа по галерее. Ужин подадут через час, и я советую тебе спуститься, ведь голодные волчицы становятся слишком раздражительными. И даже не думай прогуляться по саду без моего разрешения: мои гончие не обучены хорошим манерам.

Глава 3. Лана

Комната на втором этаже, которую Кайрос отвёл мне, больше напоминала номер в закрытом загородном клубе для миллионеров, чем темницу, но от этого дышать в ней было ничуть не легче.

Огромная кровать у панорамного окна, за которым в темноте угадывались очертания густого сада, мягкий ворс светлого ковра, ванная из тёмного камня и гардеробная, уже заполненная вещами моего размера. Он подготовился заранее, просчитал всё до мелочей, словно выбирал обстановку для дорогого трофея, который собирался поставить на полку.

Заперев за собой тяжёлую дверь, я несколько секунд стояла, прижавшись спиной к холодному дереву и пытаясь унять дрожь в пальцах.

На ужин я естественно не спустилась. При мысли о том, что придётся сидеть за одним столом с мужчиной, который купил мою жизнь двадцать четыре года назад, к горлу подкатывала глухая тошнота, а тело при этом предательски вспыхивало стоило только вспомнить прикосновение его горячей ладони к моему запястью.

Я подошла к окну, упёрлась лбом в прохладное стекло и попыталась дотянуться до своей волчицы. В резервации зверь всегда отзывался мгновенно — стоило лишь закрыть глаза и сделать глубокий вдох, как внутри поднималась зна-

комая, упругая волна силы. Но здесь, в доме демона, моя волчица лениво ворочалась где-то на самой глубине сознания, убаюканная чужой тяжёлой магией, словно сытый зверь у тёплого камина.

Она отказывалась рычать, отказывалась выпускать клыки и уж тем более не собиралась помогать мне разнести эти стеклянные стены в щепки.

«Значит, придётся справляться самой, — подумала я, отходя от окна. — Без оборота. Ногами и головой».

Если Кайрос решил, что дочь вожака покорно сложит лапки и будет ждать своей участи на шёлковых простынях, он плохо знал род Ратьевых.

Старейшины с детства учили нас не только бегать по лесу в волчьей шкуре, но и выживать в мире людей: читать планировку зданий, находить слепые зоны камер и двигаться так, чтобы не хрустнула ни одна ветка.

Я сменила строгую блузку и туфли на тёмный спортивный костюм и мягкие кеды из новой гардеробной — спасибо за предусмотрительность, хозяин, — туго заплела белые волосы в косу и прислушалась к тишине за дверью. Дом спал. Часы на прикроватной тумбе показывали половину второго ночи.

Замок поддался беззвучно: похоже, Кайрос настолько верил в свои барьеры и гончих, что даже не стал запирать меня магией.

Я бесшумно скользнула в тёмную галерею второго эта-

жа, спустилась по боковой лестнице для персонала, которую приметила ещё в холле, и через техническую дверь кухни вышла на заднюю террасу.

Ночной воздух обжёг лёгкие запахом влажной земли, хвои и далёкого города. Особняк тонул в полумраке, подсвеченный лишь тусклыми фонарями вдоль дорожек. Я пригнулась, прячась в густой тени декоративных кустарников, и быстро двинулась вдоль высокой каменной стены в сторону восточной части парка — там, где деревья подступали ближе всего к ограде и можно было попробовать перебраться через защитный контур по старым ветвям.

Я прошла половину пути и уже видела впереди тёмную линию забора, когда за спиной раздался низкий, утробный рык, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Из тени вековых елей на дорожку вышли двое. Они лишь отдалённо напоминали собак — огромные, размером с молодого медведя, с гладкой чёрной шкурой, в которой словно тлели угольки, и узкими мордами, утыканными рядами кривых клыков.

Гончие демона…

Они не лаяли, не бросались сразу — просто перекрыли путь, припав к земле, и в их жёлтых глазах светился холодный, разумный голод.

Я медленно отступила на шаг к стволу старого дуба, лихорадочно прикидывая, успею ли взобраться на нижнюю ветку раньше, чем одна из тварей перехватит моё горло.

— Я же предупреждал насчёт прогулок без разрешения, волчица, — раздался из темноты спокойный, ленивый голос.

Кайрос вышел из-за поворота аллеи так тихо, словно был частью ночных теней. Без пиджака, в чёрной рубашке с закатанными до локтей рукавами, он небрежно держал руки в карманах брюк, но от него исходила такая плотная, давящая сила, что воздух вокруг словно зазвенел.

Стоило ему бросить короткий взгляд на гончих, как твари мгновенно прижали уши, опустили морды к земле и бесшумно растворились в кустах.

— Решила проверить, насколько высоки мои стены? — он подошёл ближе, останавливаясь в паре шагов, и его чёрные глаза насмешливо скользнули по моему спортивному костюму. — Похвально. Я бы даже расстроился, если бы ты просто сидела наверху и плакала.

— Отойди с дороги, — выдохнула я, вскидывая подбородок и стараясь, чтобы голос не дрогнул, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Я не просила меня спасать ни тогда, ни сейчас! И я не собираюсь сидеть здесь на цепи.

— А ты думаешь, за этими воротами тебя ждёт свобода? — Кайрос усмехнулся, но в его голосе вдруг исчезла привычная издёвка, сменившись тяжёлой, холодной серьёзностью.

Демон сделал ещё один шаг, сокращая расстояние между нами настолько, что я снова вдохнула его дурманящий терпкий запах.

— Ты правда настолько наивна, Лана, или просто плохо

читаешь отчёты своего отца?

— О чём ты?

— В городе уже неделю крутятся волки из стаи Уварова — те самые изгои, которых твой альфа вышвырнул с земель пару лет назад, — негромко произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — Они знают, что старшая дочь Ратьева осталась без пары. Сделай хоть шаг за периметр без моей защиты — и до резервации ты доберёшься разве что в багажнике, в качестве разменной монеты против твоего же отца.

Я замерла, чувствуя, как по спине пробегает ледяной холодок. О стае Уварова я знала — это были отморозки, не признававшие законов трибунала. Но признавать правоту демона было выше моих сил.

— Не пытайся строить из себя моего спасителя, Кайрос, — прошипела я, сжимая кулаки. — Для тебя я просто вещь, которую ты забрал по старой расписке.

— Если бы ты была просто вещью, я бы давно запер тебя в подвале, а не стоял здесь в два часа ночи, — тихо ответил он.

Мужчина протянул руку и кончиками пальцев осторожно заправил за ухо выбившуюся из моей косы прядь белых волос. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но кожу словно обожгло разрядом тока.

Я судорожно втянула воздух, не в силах отшатнуться, глядя в его бездонные чёрные глаза, в глубине которых снова зажегся тот самый опасный, голодный отблеск.

— Идём в дом, Лана, — негромко сказал он, опуская ру-

ку, но не отходя ни на шаг. — Ночь слишком холодная для беглянок. А завтра вечером ты покажешь мне, как умеешь держать удар среди настоящих хищников.

Глава 4. Кайрос

Утро началось непривычно. Вместо кофе и тишины, к которой я привык за долгие годы одиночества в этом доме, резко раздался настойчивый звонок по закрытой линии связи.

Я стоял у панорамного окна кабинета, глядя на размытый утренним туманом парк, по которому ночью так отчаянно пыталась уйти моя беглая волчица, и на секунду прикрыл глаза, прогоняя остатки ночного напряжения.

Вчера в саду я впервые за столетия поймал себя на том, что мне не хочется никого ломать. Когда я увидел её у старого дуба — растрёпанную, в простом спортивном костюме, с косой через плечо и упрямым блеском в синих глазах, — внутри вместо привычного холодного расчёта шевельнулось что-то острое, почти болезненное.

Лана не плакала, не просила пощады и не пыталась торговаться; она шла напролом против гончих и собственной природы, потому что привыкла отвечать за каждый свой шаг. И когда мои пальцы коснулись её щеки, убирая выбившуюся прядь, меня едва не снесло волной той истинности, о которой я так неосторожно насмехался ещё вчера днём.

Звонок оборвал эти мысли. Я взял трубку, и в динамике раздался сухой, выверенный голос моего управляющего делами в городе:

— Господин Кайрос, прошу прощения за звонок в такое

время. Час назад в канцелярию высшего трибунала двуликих поступил экстренный иск от альфы стаи белых волков Александра Ратьева. Он заявляет о насильственном удержании его старшей дочери и требует немедленного вмешательства и силового возврата наследницы в резервацию.

Я медленно выдохнул, и уголок моих губ дрогнул в холодной, почти ленивой усмешке. Старый волк оказался настолько в отчаянии, что решился пойти ва-банк.

Александр прекрасно понимал: если дело дойдёт до глубокого разбирательства, правда о его сделке двадцатичетырёхлетней давности всплывёт наружу, и тогда трибунал казнит его самого, а стаю пустит по миру. Но отцовский страх за дочь оказался сильнее инстинкта самосохранения — Ратьев блефовал, надеясь, что я не захочу лишнего шума и просто отдам девчонку, чтобы не светить старый договор.

— Когда прибудет комиссия? — спросил я спокойно, опускаясь в кресло за столом.

— В полдень. Двое старших ревизоров и ведьма-сканер для проверки ментального воздействия. Они обязаны убедиться, что Лана Ратьева находится в вашей резиденции добровольно.

— Отлично. Встретишь их у ворот ровно в двенадцать и проводишь в малую гостиную.

Отключив связь, я несколько секунд крутил в пальцах тяжёлую перьевую ручку. Вот и первый настоящий тест для моей маленькой снежной королевы.

Я мог бы просто спрятать её, подкупить ревизоров или надавить на трибунал своим влиянием, но куда интереснее посмотреть, что выберет сама Лана, когда перед ней откроется дверь на свободу, за которой стоит плаха для её собственного отца.

Я поднялся на второй этаж и постучал в её дверь ровно в одиннадцать. Ответа не последовало, но за толстым деревом я отчётливо слышал её ровное, чуть настороженное дыхание и лёгкий шорох ткани — она не спала и явно готовилась к очередному раунду нашей тихой войны.

Открыв дверь, я застал её у окна. Лана уже успела переодеться в строгое тёмно-синее платье с закрытым воротом и снова убрала свои белые волосы в безупречный, гладкий узел.

Маска идеальной дочери вернулась на место, но лёгкий румянец на скулах и затаённая искра в глазах выдавали, что ночной разговор в саду она не забыла.

— Доброе утро, — произнёс я, прислоняясь плечом к дверному косяку и скрещивая руки на груди. — Надеюсь, ты хорошо выспалась. Через сорок минут у нас будут гости.

Лана медленно повернулась ко мне, снова вскидывая подбородок.

— Я не в том настроении, чтобы присутствовать на светских приёмах, Кайрос.

— Это не приём. Твой отец подал экстренный иск в высший трибунал двуликих. Он заявил, что я похитил тебя, и

потребовал твоего немедленного освобождения. В полдень сюда прибудут двое ревизоров и ведьма-сканер, чтобы задать тебе всего один вопрос: находишься ли ты здесь по собственной воле.

Я внимательно следил за её лицом и увидел, как в первые секунды в её синих глазах вспыхнула живая, отчаянная надежда. Девушка едва не шагнула вперёд, приоткрыв губы, словно уже видела себя за воротами этого особняка. Но следом за надеждой в её взгляде промелькнул холодный, горький расчёт, и девичьи плечи девушки заметно опустились. Она сама всё поняла ещё до того, как я успел произнести следующее слово.

— Если я уйду с ними… — тихо произнесла Лана, сжимая пальцы в складках платья. — Они начнут копать, почему ты вообще пришёл за мной.

— Именно, — подтвердил я без тени издёвки, говоря с ней так, как говорил бы с равным противником, а не с перепуганной девчонкой. — Ты умная женщина, Лана, и отлично знаешь законы своего мира. Как только ты скажешь сканеру, что я удерживаю тебя силой, трибунал вскроет причины моего визита. А за тайный сговор с высшим демоном и кровную сделку твоего отца вздёрнут на рассвете, и никакие заслуги перед стаей его не спасут.

В комнате повисла тяжёлая, звенящая тишина. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё сжимается от странного, непривычного напряжения: мне до боли хотелось, чтобы она

осталась не из-за страха за отца, но я понимал, что сейчас у меня на руках только этот козырь.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — глухо спросила она, поднимая на меня тяжёлый взгляд. — Ты мог просто заставить меня молчать.

— Мне не нужна запуганная кукла, которая будет запинаться перед ведьмой, — ответил я, делая шаг ближе и останавливаясь в паре шагов от неё. — Ты выйдешь в гостиную, посмотришь им в глаза и сама сделаешь выбор. Либо ты моя невеста, которая пришла сюда по собственной воле… либо ты свободна, но завтра утром начнешь готовиться к похоронам.

Лана судорожно втянула воздух, и на её бледных щеках проступили два ярких пятна. Она смотрела на меня с такой смесью ярости, гордости и обречённости, что у меня в жилах вскипела кровь.

— Ты чудовище, Кайрос, — тихо выдохнула она.

— И я никогда не утверждал обратного, милая, — мягко усмехнулся я, протягивая ей руку. — Пойдём. Не стоит заставлять уважаемых судей ждать.

Глава 5. Лана

Спускаться по широкой лестнице рука об руку с мужчиной, которого я знала меньше суток, оказалось тяжелее, чем выходить на ковёр перед советом старейшин в дни самых сложных переговоров.

Кайрос шёл рядом неспешно, придерживая меня за локоть так легко, словно мы действительно были парой, застигнутой врасплох неуместным визитом родственников.

От его тёмного костюма тянуло сухим теплом и терпкой горечью, и с каждой ступенькой моя волчица внутри становилась всё беспокойнее — она тянулась к этому запаху, глухо ворочалась под рёбрами и напрочь отказывалась помнить, что этот мужчина привёз меня сюда против воли.

В малой гостиной уже ждали. Двое ревизоров высшего трибунала — седой, подтянутый оборотень в строгом сером костюме и его более молодой напарник с тяжёлой кожаной папкой в руках — стояли у камина, сдержанно рассматривая обстановку.

Чуть поодаль у окна устроилась женщина лет сорока в простом тёмном платье; её тонкие пальцы с коротко остриженными ногтями перебирали нитку мелких костяных бусин. Ведьма-сканер. В нашем мире таких приглашали редко, только когда дело касалось высших семей или подозрений в запрещённом принуждении.

При нашем появлении старший ревизор шагнул навстречу, вежливо кивнув Кайросу, но его пристальный, цепкий взгляд сразу сосредоточился на мне.

— Лана Ратьева, — произнёс он ровно, без лишних предисловий. — Ваш отец подал в канцелярию срочное заявление о вашем похищении и незаконном удержании. Учитывая статус альфы стаи белых волков, трибунал обязан провести проверку. Мы здесь, чтобы убедиться, что вашей жизни ничто не угрожает, и вы находитесь в этом доме по собственной воле.

В комнате стало тихо, только за окном глухо шумел ветер в кронах парка. Я чувствовала на себе взгляды всех троих — и тяжесть ладони Кайроса, которая мягко, но ощутимо легла мне на талию, притягивая чуть ближе к его боку.

Ведьма у окна подняла голову; её светлые, почти бесцветные глаза сузились, а между пальцами вспыхнула тонкая серебристая нить магии, готовая уловить малейшую фальшь в голосе или биении сердца.

Если я скажу правду, через пару часов за отцом придут каратели трибунала. Марианна, которой вот-вот рожать, останется без семьи, а стаю разорвут на части в борьбе за власть.

Обмануть ведьму словами невозможно — сканер чувствует ложь по колебаниям ауры быстрее, чем человек успевает договорить фразу. Единственный способ пройти эту проверку — не врать головой, а позволить говорить телу и зверю, которые и так сходили с ума от близости демона.

— Отец слишком остро реагирует на то, что я впервые приняла решение, не спросив его разрешения, — ответила я спокойно, глядя прямо в глаза старшему ревизору.

Мой голос звучал ровно, хотя внутри всё сжималось от стыда за собственный спектакль.

— Мне уже двадцать четыре года, господа. Я взрослая женщина и нахожусь здесь добровольно.

Ведьма чуть склонила голову набок, прислушиваясь к серебристой нити в своих пальцах. Её брови едва заметно сошлись на переносице — магия уловила напряжение, страх и горечь, которые я не сумела спрятать до конца.

— В вашей ауре слишком много смятения, леди Ратьева, — негромко заметила она, делая шаг ближе. — Позвольте мне провести прямое касание, чтобы исключить ментальный блок.

Кайрос тихо усмехнулся, и эта короткая вибрация отозвалась у меня прямо под лопаткой.

— Разумеется, уважаемая, — произнёс он бархатным, чуть ленивым тоном, поворачивая меня к себе лицом. — Моя невеста просто расстроена тем, что её отец решил устроить публичный скандал вместо обычного семейного разговора. Правда, милая?

Прежде чем я успела отшатнуться или хотя бы вдохнуть, его ладонь скользнула по моей щеке, зарываясь пальцами в гладко убранные волосы на затылке, и он наклонился, накрывая мои губы своими.

Я ждала дежурного, холодного прикосновения для отвода глаз, но Кайрос поцеловал меня так, словно в комнате больше никого не существовало.

Его губы были горячими, властными и настойчивыми; он смял моё слабое сопротивление за долю секунды, вынуждая приоткрыть рот, и углубил поцелуй с такой жадной, обжигающей страстью, что земля словно ушла из-под ног.

Вся накопившаяся за ночь лихорадка вспыхнула внутри разом. Моя волчица глухо, победно заурчала, растворяясь в его тепле, колени ослабели, и я судорожно вцепилась пальцами в лацканы его пиджака, чтобы просто удержаться на ногах.

И в ту же секунду, сквозь этот головокружительный жар, я вдруг уловила в самой глубине его силы странный, резкий отголосок — словно под броней безупречного, всесильного хищника тлела старая, незаживающая рана, от которой его собственная тьма скручивалась в тугой болезненный комок.

Ощущение мелькнуло и исчезло, утонув в новом накате желания, от которого зашумело в ушах и заныло внизу живота.

Когда Кайрос наконец отстранился, он продолжал придерживать меня за талию, потому что стоять самостоятельно я бы сейчас точно не смогла. Щёки пылали, губы горели, а в груди тяжело колотилось сердце, сбивая каждый вдох.

Ведьма-сканер замерла на месте, глядя на погасшую серебристую нить в своих пальцах, а затем медленно опустила

руки и посмотрела на старшего ревизора.

— Ментального воздействия нет, — произнесла она сухо, с лёгким оттенком растерянности. — Искусственного подчинения тоже. Между ними живая, природная связь, куда более сильная, чем любой приворот. Наследница Ратьевых говорит правду.

Старший ревизор нахмурился, перевёл тяжёлый взгляд с моего раскрасневшегося лица на спокойного, чуть насмешливого Кайроса и коротко кивнул напарнику.

— Что ж. В таком случае у трибунала больше нет вопросов. Приносим извинения за беспокойство, господин Кайрос. Доклад об отказе в удовлетворении иска будет направлен Ратьеву сегодня же.

Тяжёлая входная дверь за комиссией закрылась с глухим, окончательным стуком. Я тут же отступила на шаг, вырываясь из рук Кайроса, и прижала ладонь к горящим губам, чувствуя, как к глазам подступают злые, беспомощные слёзы.

Я спасла отца, обманула сканера и при этом предала саму себя, потому что каждая клеточка моего тела сейчас требовала, чтобы этот поцелуй продолжился.

Кайрос стоял напротив, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня внимательно, без привычной издёвки в чёрных глазах.

— Отличная работа, Лана, — негромко сказал он, и в его голосе впервые прозвучала странная, почти уважительная нотка. — Твой отец в безопасности, а вот тебе, похоже,

пора перестать прятаться в своей спальне.

Глава 6. Кайрос

Когда за ревизорами закрылась входная дверь, в холле повисла такая плотная тишина, что я отчётливо слышал, как тяжело и неровно дышит Лана.

Она стояла в паре шагов от меня, прижав ладонь к раскрасневшимся губам, и смотрела с такой смесью растерянности, стыда и глухой ярости, что мне самому на секунду стало не по себе.

Я рассчитывал на холодный расчёт с её стороны — на то, что умная дочь вожака просто сыграет нужную роль, чтобы спасти отцу шею. Но когда я коснулся её губ, чтобы убедить ведьму-сканера, расчёт вылетел из головы за доли секунды.

Лана не просто подыграла; она вспыхнула в моих руках, отвечая с такой отчаянной, голодной страстью, от которой у меня самого потемнело в глазах. И самое странное произошло в тот миг, когда её пальцы вцепились в лацканы моего пиджака: старая, тягучая боль в груди, с которой я жил последние несколько столетий и которую глушил только дорогим алкоголем или жестокими схватками, вдруг отступила. Словно её светлая, чистая сила белой волчицы накрыла мой тлеющий внутри огонь прохладной ладонью.

За долгие века я привык, что моя сила принадлежит только мне, а любая привязанность делает тебя уязвимым. Но глядя сейчас на эту светловолосую девчонку, которая пыта-

лась унять дрожь в пальцах и снова натянуть на лицо привычную отстранённость, я понимал: запирать её в спальне на втором этаже бессмысленно.

Она не сломается от одиночества, лишь озлобится и замкнётся в себе окончательно. Чтобы эта волчица приняла меня по-настоящему, ей нужно увидеть мой мир и понять, что рядом со мной она не пленница, а равная.

— Если ты думаешь, что этот поцелуй что-то изменил, ты ошибаешься, — глухо произнесла Лана, и ее голос ещё слегка дрожал, но взгляд снова стал колючим и прямым. — Я сделала это ради отца и стаи.

— Разумеется, — спокойно согласился я, поглубже пряча руки в карманы брюк, чтобы не поддаться глупому желанию снова коснуться её щеки. — Ты образцовая дочь, Лана, я это уже оценил. Но есть одна проблема: доклад ревизоров сегодня же ляжет на стол старейшинам и главе трибунала. В городе быстро разнесётся слух, что старшая наследница Ратьевых ушла к высшему демону по большой любви. И если ты просидишь следующие недели взаперти, как затворница, вопросы возникнут снова — причём первыми их зададут твой зять Карим и твоя сестра.

Лана замерла. Я видел, как быстро заработала её голова, просчитывая последствия. При упоминании сестры её плечи напряглись, а в синих глазах мелькнула живая тревога: беременной Марианне сейчас меньше всего нужны были потрясения и подозрения, что сестру держат в плену.

— И что ты предлагаешь? — осторожно спросила она.

— Сегодня вечером в закрытом клубе «Эклипс» собирается вся верхушка города — и люди, и двуликие, и те, кто привык решать судьбы этого мегаполиса щелчком пальцев, — я сделал шаг ближе, наблюдая за тем, как вздымается её грудь. — Ты пойдёшь туда со мной. Как моя официальная невеста. Улыбнёшься нужным людям, выпьешь шампанского и покажешь всем, что с дочерью альфы всё в полном порядке.

— Хочешь выставить меня напоказ как редкий трофей? — усмехнулась Лана, но в её глазах уже зажегся знакомый, упрямый азарт. — А ты не боишься, что я подойду к первому же столику и расскажу, как именно ты получил моё согласие?

— Не подойдёшь, — тихо ответил я, наклоняясь чуть ближе, чтобы она снова уловила мой запах и почувствовала, как откликается её собственный зверь. — Ты слишком дорожишь своей семьёй, чтобы подставить ее под удар. И к тому же, милая, тебе самой до смерти надоело сидеть в четырёх стенах. Собирайся. Выезжаем в девять.

Я развернулся и ушёл в кабинет, оставив её в холле одну, хотя внутри всё ещё гудело от нерастраченного напряжения. Мне нужно было остыть, разобрать накопившиеся за день звонки и подготовить почву к вечеру: в «Эклипсе» наверняка появится Лилит, а она никогда не упускала случая укусить больнее, если чувствовала чужую слабость.

Ровно в девять я спустился в холл и на пару секунд замер

у нижней ступеньки.

Лана уже ждала у входа. Она отказалась от строгих закрытых нарядов, к которым привыкла в резервации, и выбрала из гардеробной длинное шёлковое платье нежно изумрудного оттенка, которое облегало фигуру, оставляя открытыми ключицы и спину.

Белые волосы она не стала убирать в привычный тугой узел — мягкие локоны рассыпались по плечам, оттеняя светлую кожу и яркую синеву глаз.

Выглядела она так, что у любого мужчины в этом городе пересохло бы в горле, а моя демоническая сущность внутри глухо, собственнически зарычала при одной мысли, что на девчонку будут смотреть посторонние.

Я подошёл, достал из внутреннего кармана пиджака тонкую платиновую цепочку с тёмным камнем, огранённым в форме капли, и молча застегнул её на шее Ланы.

— Небольшой защитный контур, — пояснил я, когда её пальцы инстинктивно коснулись прохладного камня. — В «Эклипсе» слишком много тех, кто любит совать нос в чужую ауру, а твоя волчица сейчас слишком уязвима.

Лана посмотрела на меня из-под ресниц, и уголок её губ тронула острая, почти дерзкая улыбка.

— Какая трогательная забота о сохранности имущества, Кайрос. Только учти: если кто-то из твоих знакомых решит, что со мной можно обращаться как с куклой, я не стану прятаться за твоей спиной.

— На это и рассчитываю, — тихо усмехнулся я, распахивая перед ней дверь к ожидающему у крыльца автомобилю. — Покажи им зубы.

Глава 7. Лана

Закрытый клуб «Эклипс» занимал верхние этажи стеклянной высотки в самом центре города, и уже на входе становилось понятно, что случайных людей сюда не пускают.

Вместо громкой музыки и толпы у барной стойки гостей встречал приглушённый свет, мягкий гул голосов и панорамные окна, за которыми ночной город расстилался россыпью огней.

Здесь смешивались запахи дорогого табака, селективного парфюма и чужой, тщательно скрытой силы. За столиками у панорамных стёкол сидели и влиятельные люди, и старшие двуликие, привыкшие решать судьбы города за бокалом выдержанного виски.

Кайрос держал меня под руку легко, но с той безоговорочной уверенностью, от которой окружающие невольно расступались, освобождая дорогу.

Стоило нам переступить порог зала, как десятки взглядов мгновенно обратились в нашу сторону. Я чувствовала на себе это пристальное, оценивающее внимание: люди разглядывали незнакомую блондинку рядом с мужчиной, которого привыкли видеть в одиночестве, а оборотни принюхивались, пытаясь уловить в воздухе мой след и понять, как наследница стаи белых волков оказалась под ручку с высшим демоном.

Тёмный камень на цепочке, которую Кайрос застегнул на

моей шее перед выходом, приятно холодил кожу у ключиц и действительно работал — чужая магия скользила по моему контуру, не проникая внутрь, оставляя мою присмиревшую волчицу скрытой от любопытных глаз.

— Не напрягайся так, милая, — тихо произнёс Кайрос, склоняясь к моему уху, когда мы остановились у свободного дивана в дальнем углу зала.

Его тёплое дыхание обожгло кожу, и по спине тут же пробежала предательская дрожь.

— Половина этих гостей боится даже взглянуть мне в глаза, а вторая половина сейчас ломает голову, чем ты умудрилась меня зацепить.

— Наверное, тем, что ещё не успела сбежать в окно, — ответила я с вежливой, светской улыбкой, принимая из рук подошедшего официанта бокал шампанского.

Кайрос коротко усмехнулся, явно оценив ответ, но продолжить разговор мы не успели. От соседнего столика отделилась высокая, эффектная брюнетка в облегающем чёрном платье с глубоким разрезом.

Женщина двигалась плавно и уверенно, с той ленивой грацией существа, которое привыкло считать себя хозяйкой любого вечера. Когда она подошла ближе, я сразу уловила плотный, тяжёлый шлейф чужой тёмной магии и приторный аромат ночных цветов — передо мной стояла демоница, ровня Кайросу по крови.

— Кайрос, дорогой, — промурлыкала она, скользнув по

мне быстрым, пренебрежительным взглядом сверху вниз и тут же переключая всё внимание на мужчину. — Ты перестал отвечать на звонки, и я уже решила, что ты улетел за океан. А ты, оказывается, решил развлечься с… местной экзотикой.

Демоница протянула руку, намереваясь коснуться лацкана его пиджака, но Кайрос едва заметно отступил на полшага, перехватывая её запястье и вежливо, но холодно отводя ладонь в сторону.

— Добрый вечер, Лилит, — ровно произнёс он. — Познакомься, это Лана Ратьева. Моя невеста.

Брови брюнетки удивлённо приподнялись, а в тёмных глазах мелькнула острая, злая искра, которую она тут же спрятала за снисходительной усмешкой.

— Невеста? — протянула Лилит, переводя на меня цепкий, колючий взгляд. — Как трогательно. Дочь альфы белых волков, если мне не изменяет память? Слышала о вашей стае. Говорят, у вас там до сих пор живут по лесным законам и падают в обморок при виде настоящей силы. Надеюсь, ты не слишком утомила Кайроса своими… трогательными провинциальными привычками, милая?

Внутри всё закипело от глухой, обжигающей злости — и за унизительный тон, и за то, как нагло эта женщина смотрела на мужчину, чьи губы ещё днём выжигали на моей коже следы.

Видела, что Кайрос уже приоткрыл рот, собираясь оса-

дить её сам, но я едва заметно сжала его локоть, давая понять, что справлюсь без адвокатов.

Я сделала небольшой глоток шампанского, подарила Лилит самую мягкую, безупречную улыбку, которой меня годами учили на приёмах у старейшин, и шагнула чуть ближе.

— Что вы, Лилит, лесные законы очень просты и понятны, — произнесла я спокойно и достаточно громко, чтобы нас слышали за соседними столиками. — У нас принято сразу обозначать свою территорию, чтобы заблудившиеся хищницы не путали чужой порог со своей спальней. А что касается Кайроса… поверьте, после веков скучного однообразия настоящая жизнь оказалась ему куда интереснее старых привычек.

Лилит замерла, её улыбка на секунду застыла, превратившись в натянутую гримасу, а воздух вокруг неё ощутимо потяжелел от вспыхнувшей демонической злости.

Но устроить сцену посреди «Эклипса» на глазах у людей и трибунала она не могла. Брюнетка процедила сквозь зубы вежливое прощание, развернулась на высоких каблуках и стремительно отошла к бару.

Я выдохнула, только когда её спина скрылась в толпе гостей, и поймала на себе взгляд Кайроса. Он смотрел на меня с таким открытым, голодным восхищением, что у меня мгновенно пересохло в горле и заныло где-то глубоко внизу живота.

— А ты и правда умеешь кусаться, малышка, — тихо про-

говорил он, забирая из моих ослабевших пальцев недопитый бокал и ставя его на ближайший столик. — Пожалуй, на сегодня светской программы достаточно. Поехали домой.

Мужчина обхватил мою талию горячей, собственнической ладонью, притягивая к себе так плотно, что я почувствовала бешеный стук его сердца сквозь ткань пиджака, и увёл меня к выходу, даже не попрощавшись с хозяевами клуба.

Глава 8. Кайрос

Лифт «Эклипса» плавно скользил вниз, отсекая нас от приглушённого гула зала, звона бокалов и липких взглядов гостей, но в тесной зеркальной кабине воздух сразу стал вязким и раскалённым.

Я стоял в полушаге от Ланы, чувствуя, как от её кожи волнами расходится жар — смесь шампанского, злости после стычки с Лилит и того самого, сводящего с ума аромата светлой волчицы, от которого у меня сбивалось дыхание.

Когда она осадила Лилит прямо посреди клуба, у меня внутри всё перевернулось. Я привык, что женщины моего круга либо боятся меня до дрожи, либо пытаются торговаться, предлагая себя в обмен на власть и защиту.

Лана не стала ни прятаться за мою спину, ни закатывать дешёвую истерику, а просто ударила точно в цель, с ледяной грацией наследницы стаи, от которой у Лилит перехватило горло.

— Ты слишком рано увёл нас оттуда, — негромко произнесла Лана, глядя на бегущие цифры этажей над дверями лифта.

Голос звучал ровно, но я видел, как часто вздымается её грудь под изумрудным шёлком и как мелко дрожат пальцы, сжимающие ремешок маленькой сумочки.

— Гости решат, что твоя невеста испугалась первого же

разговора.

— Гости решат, что мне плевать на их общество, когда рядом моя женщина, — ответил я тихо, делая шаг вперёд и полностью перекрывая ей пространство.

Лана вздрогнула и повернула голову, но отступать было некуда — за её спиной оказалась холодная зеркальная стена кабины. Я поднял руку и коснулся кончиками пальцев её щеки, скользя вниз к линии подбородка и дальше, к тонкой шее, где под кожей бешено билась жилка, а тёмный камень кулона уже успел нагреться от её тела.

— Ты сегодня была великолепна, Лана, — прошептал я, наклоняясь так близко, что наши губы почти соприкоснулись. — И даже не пытайся снова прятаться за свою вежливость. Я чувствую, как ты горишь.

— Это просто твоя дурацкая магия, Кайрос… — выдохнула блондинка, но вместо того чтобы оттолкнуть меня, её ладони робко, неуверенно легли мне на грудь, впиваясь пальцами в ткань рубашки.

Больше я себя не сдерживал. Я накрыл её губы своими, вбирая в себя её короткий, растерянный всхлип, и прижал оборотку к стене лифта, вжимаясь всем телом.

Лана вспыхнула мгновенно — так же отчаянно и жадно, как днём в гостиной, только теперь между нами не было чужих глаз и необходимости играть спектакль для кого-либо. Она приоткрыла губы, впуская меня, и ответила на поцелуй с такой голодной, неумелой нежностью, от которой у меня

загудело в висках и потемнело в глазах.

Моя ладонь скользнула по стройной талии к бедру, приподнимая изумрудный шёлк и прижимая девушку ближе к себе, чтобы она почувствовала, как сильно я её хочу.

Лана тихо застонала мне в губы, выгибаясь навстречу, а её пальцы зарылись в мои волосы на затылке. Старая, тягучая боль в груди, которая веками выжигала меня изнутри, снова растворилась без следа, уступая место чистому, ослепляющему теплу.

Звонок лифта, возвестивший о прибытии на подземную парковку, прозвучал как выстрел.

Я с трудом оторвался от её припухших, горящих губ, тяжело дыша и упираясь лбом в её лоб. Лана зажмурилась, судорожно глотая воздух; её щёки пылали, а белые локоны растрепались по плечам.

Мне до боли хотелось довести всё до конца прямо сегодня — унести её на второй этаж особняка, сорвать это чёртово платье и сделать своей по-настоящему. Но я заставил себя разжать пальцы и отступить на полшага. Она была нетронутой, гордой девушкой, и я хотел, чтобы наш первый раз случился не в слепом порыве после клуба, а когда она сама позовёт меня, глядя в глаза без страха и сомнений.

Дорога до резиденции прошла в густой, звенящей тишине. Лана сидела рядом, отвернувшись к окну, но её рука оставалась лежать на сиденье между нами — и когда мои пальцы накрыли её ладонь, она не отдёрнула руку, лишь тихо вздох-

нула и переплела наши пальцы.

Уже в особняке, проводив её до дверей спальни и оставив после короткого, обжигающего поцелуя в висок, я спустился в свой кабинет. Настроение было непривычно лёгким, почти светлым — ровно до тех пор, пока на рабочем столе не замигал экран закрытого терминала охраны.

Я открыл свежее донесение старшего смены внешнего периметра и почувствовал, как внутри мгновенно стынет всё тепло.

Час назад камеры на подъезде к пригородной трассе зафиксировали серебристый внедорожник, который несколько раз медленно проехал мимо поворота к моей резиденции, пытаясь прощупать защитный контур.

Номера оказались поддельными, но сканеры охраны уловили внутри двоих высших оборотней — и один из них оставил чёткий след хищника из семейства кошачьих.

Карим Асад. Муж младшей сестры Ланы.

Я медленно откинулся на спинку кресла, сцепляя пальцы в замок. Значит, старый волк всё-таки не стал сидеть сложа руки после отказа трибунала и подключил зятя, который знал о существовании давнего контракта.

Они не пойдут в лобовую атаку на мой дом — для этого Карим слишком умён и дорожит беременной женой, — но они обязательно попытаются выйти на Лану иначе, чтобы вытащить её тихо.

Я посмотрел на закрытую дверь кабинета. Запирать дев-

чонку снова я не стану — это только разрушит то хрупкое доверие, которое только начало пробиваться между нами. Но завтра утром у нас с волчицей состоится очень серьёзный разговор о её семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.